
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
Центр общественных наук
Экономический факультет
Вятский социально-экономический институт
Философско-экономическое учение собрание

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В XXI ВЕКЕ

5(12)

Национальная экономика и социум

Под редакцией
Ю. М. Осипова, В. С. Сизова, Е. С. Зотовой

Москва
Магистр
2007

УДК 330:1

ББК 65.5

Э40

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ МОНОГРАФИИ:

д.х.н., проф. Л. А. Асланов; д.э.н., проф. И. Р. Бугаян;
к.э.н., доц. М. Н. Глазунов; д.э.н., проф. М. М. Гузев;
к.э.н., в.н.с. Е. С. Зотова; к.э.н., проф. В. В. Кашицын;
д.э.н., проф. В. П. Колесов; д.э.н., проф. Ю. М. Осипов;
к.э.н. Б. И. Пашко; д.э.н., проф. А. А. Пороховский;
д.э.н., проф. В. С. Сизов; к.э.н., с.н.с. С. Ю. Синельников;
к.и.н., в.н.с. И. П. Смирнов; д.э.н., проф. К. А. Хубиев;
д.э.н., проф. А. К. Шуркалин

Э40 **Экономическая теория в XXI веке — 5(12): Национальная экономика и социум** / под ред. Ю. М. Осипова, В. С. Сизова, Е. С. Зотовой. — М. : Магистр, 2007. — 640 с.

ISBN 978-5-9776-0034-7 (в пер.)

Очередная в серии «Экономическая теория в XXI веке» монография посвящена проблемам теории и практики национальной экономики, рассматриваемым с учетом реформенных трансформаций постсоциалистических стран и современных тенденций в социально-хозяйственном бытии России.

Для ученых, преподавателей, студентов экономических и иных обществоведческих наук и специальностей, для всех, кто интересуется современной экономикой, национальным хозяйством России, его развитием.

УДК 330:1

ББК 65.5

ISBN 978-5-9776-0034-7

© Коллектив авторов, 2007

© Оформление. «Магистр», 2007

В.Ф. БАЙНЕВ, О.В. СЕДУХО

О наиболее актуальных проблемах формирования и реализации инновационной политики в странах с переходной экономикой

Сегодня стало вполне очевидным, что в условиях беспрецедентного обострения международной конкуренции за рынки сбыта и ограниченные, быстро истощающиеся природные ресурсы имеют шансы сохранить в XXI в. свой экономический суверенитет только те державы, которые форсированными темпами накапливают *передовой, основанный на использовании последних достижений науки и техники (на базисных инновациях) промышленный капитал*. Приверженность данному принципу развития наглядно демонстрируют так называемые развитые страны Запада (ОЭСР и, прежде всего, «большая семерка»), сконцентрировавшие под своим контролем до 90% мирового научного потенциала и контролирующие не менее 80% глобального рынка высоких технологий объемом в 2,5—3 трлн дол. В частности, высокотехнологичная продукция в товарном экспорте США составляет более 32%, Великобритании — 31, Японии — 26, Франции — 23%. Прибыль, получаемая технологически развитыми странами от реализации наукоемкой продукции колоссальна: ежегодный экспорт наукоемких товаров и услуг приносит США более 700 млрд дол., Германии — 530 млрд, Японии — 400 млрд дол.

Прогнозируется, что к 2015—2020 гг. объем продаж продукции высоких технологий возрастет до 4 трлн дол., и именно на этом наиболее перспективном и быстро растущем сегменте мирового рынка идет наиболее жесткая конкуренция. Наряду с технологически развитыми странами в указанную борьбу активно включилось и несколько так называемых новых индустриальных стран — Китай, Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Индия. В частности, социалистический Китай за последнее десятилетие прошлого века смог увеличить производство наукоемкой продукции в 27 раз, причем на фоне общего роста ВВП ее доля в нем возросла с 8,1 до 35,4%. Ежегодно наращивая экспорт высокотехнологичной продукции на 15—20%, эта страна смогла увеличить его объем со 192 млн дол. в 1992 г. до 6,0 млрд дол. в 2000 г. (в 31 раз), снизив сырьевую долю в экспорте в 4 раза. Сегодня общая доля на мировом рынке наукоемкой продукции новых индустриальных стран, демонстрирующих догоняющее развитие, оценивается в 15%.

Очевидно, что отмеченные тенденции делают абсолютно бесперспективным сырьевой экономический рост, который демонстрирует сегодня большинство стран СНГ. И хотя неутрачивающая риторика о жизненно важной необходимости перехода постсоветских стран к инновационной модели развития без преувеличения является ровесницей их суверенитета, тенденции развития научно-технической и инновационной сфер стран бывшего СССР свидетельствуют об их рыночно-капиталистическом разгроме. И действительно, в качестве главного недостатка директивно-плановой экономики идеологи рыночно-капиталистических реформ изначально обозначали низкую инновационную восприимчивость экономических систем всех уровней, находящихся в условиях «командно-административного диктата». По их заверениям, отказ от государственного регулирования экономики, ее либерализация и перевод на «рыночные рельсы» должны были

подстегнуть инновационную активность субъектов хозяйствования и тем самым едва ли не за 500 дней переместить и без того вторую в мире экономику СССР на недостижимые даже для США высоты.

К сожалению, в отличие от держав мировой экономической элиты и успешно догоняющих их стран государства—участники СНГ, осуществляющие активные рыночные реформы, демонстрируют крайне негативную динамику развития своей научно-технической и инновационной сферы. На фоне неослабевающей риторики о необходимости формирования инновационной экономики общая доля стран бывшего СССР в мировом экспорте наукоемкой продукции за годы их «рыночного оздоровления» уменьшилась до 0,5—0,8% (более чем в 15 раз), наукоемкость ВВП стран Содружества снизилась в 2—12 раз (табл. 1), а доля сырьевых товаров в их экспорте (за исключением Белоруссии и Молдавии) гипертрофированно возросла до 60—85%. При этом доля инновационно активных предприятий сократилась с 50% в доперестроечном СССР до 13,0% в Белоруссии, 12,3% — в Украине, 10,3% — в России, 2,2% — в Казахстане в 2004 г., в то время как в технологически развитых странах Запада аналогичный показатель сегодня достигает 60—80%.

Таблица 1

**Динамика наукоемкости ВВП в странах СНГ
в трансформационный период 1990—2005 гг.**

Страна	Наукоемкость ВВП, %							
	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Азербайджан	1,0	0,31	0,35	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2
Армения	2,5	0,30*	0,26	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Белоруссия	2,3	0,95	0,81	0,8	0,7	0,7	0,7	0,8
Грузия	1,2	0,11	0,19	0,2	0,2	0,01	0,01	0,1
Казахстан	0,7	0,27	0,17	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Киргизия	0,7	0,26	0,13	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Молдавия	1,6	0,75	0,58	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4
Россия	3,0	0,81	1,28	1,4	1,4	1,5	1,9	1,2
Таджикистан	0,7	0,11	0,07	0,07	0,05	0,06	0,06	0,1
Туркменистан	0,7	0,26	0,10*	—	—	—	—	—
Узбекистан	1,2	0,39	0,36*	—	—	—	—	—
Украина	2,3	1,34	1,14	1,1	1,1	1,3	1,2	1,1
Наукоемкость, рассчитанная по методологии ОЭСР								
Белоруссия	1,47	0,85	0,72	0,71	0,62	0,61	0,63	0,69
Страны СНГ в целом	2,11	1,15	0,81	0,80	0,71	0,72	0,68	0,77

Примечание: * 1999 г.

За 10—12 лет активных рыночных реформ численность исследователей, осуществляющих научно-исследовательские (НИР) и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в регионе снизилась в 2—4 раза. При этом на фоне общего кратного сокращения численности исследователей заметно снизился их профессионально-квалификационный уровень, о чем

однозначно свидетельствует уменьшение числа работников отрасли, имеющих ученую степень (в среднем по странам СНГ указанное снижение составило 26%). Иными словами, по мере «рыночного оздоровления» наблюдается быстрое превращение страны со второй в мире экономикой, которая еще совсем недавно на равных соперничала с самими США хотя бы по некоторым направлениям научно-технического прогресса (космос, атомная энергетика, военная техника и др.), в технологическое захолустье и сырьевую провинцию Запада.

В числе причин такого несоответствия замыслов действительности мы выделяем научно-теоретические, требующие, на наш взгляд, незамедлительного решения и осуществления соответствующих глубоких научных исследований.

Первое. Изучение в рамках НИР № 20061700 «Теоретико-методологические основы межгосударственной инновационно-промышленной политики стран ЕврАзЭС как фактор их устойчивого развития» свойств и закономерностей перехода технологически развитых стран к инновационной экономике позволило нам сделать вывод о том, что категории «инновационная экономика» и «рыночная экономика» в современных условиях не просто не соответствуют друг другу, но и выступают в качестве едва ли не взаимоисключающих понятий. К сожалению, термин «переходная экономика» практически на всем постсоветском пространстве без каких-либо сомнений ассоциируется с *переходом именно к рыночной системе хозяйствования*, в то время как в условиях формирования экономики знаний постепенно стала актуальной совершенно иная модель развития.

И действительно, лидеры мировой экономики, на словах продолжая позиционировать себя в качестве стран с рыночной экономикой, на деле демонстрируют отнюдь не рыночные тенденции своего развития, а именно — стремительную монополизацию мировой и национальных экономик своими быстро растущими транснациональными компаниями и банками (ТНК и ТНБ). По существу последнее означает, что эти страны не идут по пути достижения воспеваемой в экономиксе совершенной рыночной конкуренции, а методично углубляют *централизацию управления экономическими процессами*, поскольку с ростом могущества ТНК и ТНБ быстро сокращается круг лиц, принимающих реальные управленческие решения в сфере национальной и мировой экономики.

В частности, специалисты отмечают, что в настоящее время дезинтеграционные процессы, ведущие к усилению конкуренции, в количественном плане на порядок уступают интеграционным процессам, способствующим увеличению монопольной силы интегрирующихся экономических систем (бизнес-систем) и тем самым удаляющим национальную и мировую экономику от описанной в экономиксе рыночно-конкурентной идиллии. Так, в США в 1996—1997 гг. произошло 150 случаев разделения американских акционерных компаний, однако за это же время наблюдалось в 10 раз больше слияний, что однозначно отражает общие нерыночные тенденции развития национальной экономики ведущей державы мира. В итоге сегодня каждая из 200 крупнейших американских компаний имеет в своем составе предприятия не менее 20 отраслей, причем 39 таких компаний действуют в 30 отраслях, а 9 — в 50 отраслях производства.

Необходимо отметить, что указанные отнюдь нерыночные процессы монополизации и централизации характерны для всех стран-лидеров мировой экономики. По оценкам экспертов Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в первой сотне «хозяйствующих субъектов» разного вида (стран и компаний) не менее 29 являются крупными транснациональными корпорациями (ТНК) ведущих стран Запада, а остальные — суверенными государствами.

Мы убеждены, что причины такого столь очевидного отказа технологически развитых стран от рыночно-конкурентной доктрины развития связаны с необходимостью перехода к инновационной экономике. И действительно, в современных условиях, когда знание является главной производительной силой и одним из наиболее ценных и дорогостоящих ресурсов, рыночное поведение субъектов хозяйствования и рыночная конкуренция предопределяют необходимость *нерационального дублирования* затрат на НИР и НИОКР фирмами-конкурентами внутри страны. По мере увеличения стоимости исследований и разработок, что свойственно основанной на знаниях экономике, растут указанные бесполезные потери ресурсов в рыночно ориентированной экономической системе.

Последнее обстоятельство *делает рыночную модель развития бесперспективной, а внутривостановая конкуренция из механизма стимулирования инновационной активности постепенно, но неумолимо превращается в активный тормоз научно-технического прогресса.* Стремление избежать нерационального дублирования дорогостоящих затрат на НИР и НИОКР побуждает лидеров мировой экономики отказываться от рыночных принципов взаимодействия субъектов хозяйствования — индивидуализма и конкуренции — в пользу интеграции и сотрудничества бывших конкурентов в рамках быстро растущих мегакорпораций (ТНК и МНК), т. е. в пользу дальнейшего обобществления производства и централизации управления экономикой.

Иными словами, сегодня глобальная конкурентоспособность обеспечивается формированием сверхкрупных бизнес-систем и «игрой в команде», а отнюдь не благодаря рыночному индивидуализму, обособленности и конкуренции («войны всех со всеми»). Глобальная, сегодня ставшая межстрановой, конкуренция напоминает футбольный матч команд, когда игроки одной из них играют каждый сам за себя, ориентируясь на индивидуальный результат и конкурируя (мешая) друг с другом, а игроки другой команды регулярно подстраховывают друг друга, играют «в пас», следуют указаниям и замыслу (плану) тренера. Именно «игра в команде» по установкам нацеленного на достижение коллективного успеха тренера позволяют Белоруссии даже в условиях острейшего дефицита ресурсов и беспрецедентного давления извне демонстрировать устойчивое развитие, в то время как некоторые наши несравненно более обеспеченные сырьем соседи до сих пор еще не вышли на дореформенный уровень социально-экономического развития по подавляющему большинству показателей.

Сказанное наглядно иллюстрирует тезис о том, что негативные тенденции развития научно-технологической и инновационной сфер в переходных к рынку странах, потеря их глобальной конкурентоспособности не являются случайностью — они закономерны и, к сожалению, неизбежны в

условиях ориентации переходных к рынку на рыночно-конкурентную модель развития.

Таким образом, в то время, когда *технологически развитые страны осуществляют переход к инновационной экономике, страны бывшего СССР дружно переходят к рынку, который был эффективен в условиях индустриальной экономики и быстро теряет свою эффективность по мере формирования постиндустриального, информационно-интеллектуального общества. Ориентация на принципиально разные теоретические модели — главная причина различия тенденций развития научно-технологической и инновационной сфер, демонстрируемого переходными к рынку странами и грандами мировой экономики.*

Это означает, что в странах бывшего СССР остро стоит проблема смены, как курса экономических реформ, так и господствующей научно-образовательной парадигмы экономической науки, которая сегодня всецело базируется на западном неоклассическом «мейнстриме» и ориентирует развитие наших стран именно на устаревшую конкурентно-рыночную модель. Необходим поиск новой (очевидно, что не рыночно-индивидуалистской, а ориентированной на коллективный, командный успех) научно-образовательной парадигмы экономической науки, которая соответствовала бы новым реалиям и объективно способствовала переходу Белоруссии, России, Украины и т. д. к инновационной экономике.

Представляется, что путь к глобальной конкурентоспособности, равно как и переход к инновационной экономике стран бывшего СССР, нереален без создания и государственного патронажа сверхкрупных, вертикально интегрированных, т. е. объединяющих в себе весь производственный цикл, начиная с добычи сырья и заканчивая организованным сбытом продукции, государственных и государственно-корпоративных структур, действующих по примеру западных ТНК без оглядки на рыночные «правила игры». В связи с этим сегодня, на наш взгляд, необходимо инициировать масштабные научные исследования в направлении изучения феномена инновационной экономики в качестве следующей за рыночной моделью и во многом ее отрицающей ступени развития экономических систем. Главная цель таких исследований — поиск новой, ориентирующей на формирование сверхкрупных бизнес-систем научно-теоретической экономической парадигмы, которая позволила бы реализовывать *интеграционный (синергический) эффект* в экономических системах разного уровня (по примеру западных ТНК и МНК) в качестве основного фактора *глобальной конкурентоспособности*.

Господствующая же ныне на всем постсоветском пространстве система экономических знаний, наоборот, нацеливает постсоветские страны на переход к рыночной системе хозяйствования, уповает на конкурентные преимущества малого, милли- и микробизнеса, обосновывает необходимость формирования конкурентной среды посредством дезинтеграции и дробления народнохозяйственных комплексов через приватизацию и, следовательно, полное изгнание государства из экономики. Важно осознать, что внутривостановая конкуренция субъектов хозяйствования («война всех со всеми внутри страны») серьезно подрывает ее глобальную конкурентоспособность на мировом рынке, где ныне всецело господствуют

западные ТНК с финансовыми оборотами, в разы превышающими ВВП Беларуси. Поэтому наш переход к рынку по западным учебникам марки «экономикс» (made in USA) обеспечивает, что называется из глубины тыла, беспрецедентные конкурентные преимущества западным ТНК, которые давным-давно «играют» по нерыночным правилам.

Разумеется, в связи с этим сегодня крайне необходимы свои отечественные, отвечающие национальным интересам Белоруссии, России и других постсоветских стран учебники по экономике взамен западным суррогатам, широко растиражированным или многократно компилированным отечественными авторами. Сегодня уже многим вполне очевидно, что повсеместно изучаемый в наших вузах западный экономикс — образчик экономического знания, метко названный «примитивной шпаргалкой» (В. Леонтьев), «выкидышем экономической теории» (В. Ельмеев), «экономической теорией классной доски» (Р. Коуз), «наукой нашего одурачивания и экономического закабаления» (С. Пелих), который представляет собой вовсе не науку или образовательную дисциплину, а идеологию интернациональной олигархии, нацеленную на неокOLONизацию всего мира.

Второе. Все без исключения страны СНГ, включая Белоруссию и Россию, демонстрируют вопиющие отклонения базовых параметров функционирования монетарной системы от общепринятых в мире значений. Сказанное относится, прежде всего, к таким показателям, как коэффициент монетизации экономики, обменный курс национальной валюты, режим обратимости иностранных валют и некоторые другие, которые в разы отличаются от своих оптимальных значений. Например, по информации директора НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь С. Полоника, при оптимальном значении коэффициента монетизации 60—100%, пороговом — не менее 50% и кризисном — не менее 30% его реальное значение в Республике в 2003 г. составляло лишь 9,5%. К сожалению, в России, Украине, Казахстане и т. д. — аналогичная ситуация, которая в последние годы к лучшему существенно не меняется, и потому приходится сделать вывод, что сегодня во всех странах СНГ (Белоруссия — далеко не исключение) монетарные факторы активно препятствуют формированию инновационной экономики.

Обоснование последнего тезиса и объяснение причин происходящего следует искать в научно-теоретической плоскости. Так, научной ответственности переходных стран давно пора осознать, что времена, когда А. Смит создавал свое великое учение о «невидимой руке» рынка и чудотворной силе конкуренции безвозвратно канули в Лету, поскольку в наши дни отдельные ведущие западные мегакорпорации по своим финансовым возможностям в десятки, а порой даже и в сотни раз превосходят ВВП подавляющего большинства стран мира. При этом особый вред экономике и, прежде всего, промышленному и инновационному секторам переходных к рынку стран, по нашему убеждению, наносит взятое реформаторами на вооружение праворадикальное направление либерально-рыночного мейнстрима — монетаристская теория, призванная окончательно изгнать государство из экономики и ограничить его роль манипулированием денежной массой, налогами и учетной ставкой. В итоге отстраненное от

других рычагов управления экономикой государство в попытке обуздать инфляцию вынуждено искусственно ограничивать («сжимать») денежную массу, что в полном соответствии с количественной теорией денег приводит к «выдавливанию» денежных ресурсов в сферы с высокой скоростью обращения капитала из тех отраслей, где его оборачиваемость минимальна (рис. 1).

Рис. 1. Перераспределение финансовых ресурсов между секторами экономики в условиях снижения ее коэффициента монетизации

В результате искусственного снижения коэффициента монетизации экономики K_m (отношения денежного агрегата M2 к ВВП) инновационный и промышленный секторы экономики испытывают острейший дефицит ресурсов, а приток последних в сферу услуг, торговли, криминала стимулирует массированный импорт западных товаров. Без жизненно необходимых финансовых ресурсов промышленность переходной к рынку страны деградирует, формирование инновационной экономики не идет дальше обычной риторики, в то время как западные ТНК расширяют рынки сбыта своей продукции, неумолимо превращая переходную к рынку страну в сырьевую провинцию с прикованным к «сырьевой тачке» населением. Кроме того, в условиях искусственного дефицита денег: а) разворачивается грандиозная спекуляция дефицитными денежными ресурсами со стороны банковской системы, превратившейся из инструмента экономического роста в транзакционный, откровенно паразитарный сектор экономики; б) происходит масштабная долларизация национальной экономики и, соответственно, потеря контроля и управления денежной сферой со стороны правительства; в) разражается кризис взаимных платежей и нескончаемая череда банкротств, влекущие за собой разрушение промышленного сектора национальной экономики и др.

О масштабности описанных проблем в России, Белоруссии, Казахстане и других государствах бывшего СССР свидетельствуют данные табл. 2, где отражена динамика K_m в разных странах мира. Анализ приведенной информации показывает, что технологически развитые страны имеют значение K_m около 100%, новые индустриальные страны — 100 и более процентов, а успешно развивающиеся новые члены ЕС демонстрируют K_m около 50—70%. Охарактеризованные в таблице страны СНГ (в других членах Содружества ситуация не лучше) по исследуемому параметру (менее 20%) резко отличаются от движущихся в сторону постиндустриальной,

инновационной экономики государств, соответствуя странам «третьего мира» — аутсайдерам научно-технического прогресса.

Таблица 2

**Динамика коэффициента монетизации экономики K_m
в разных странах мира, %**

Типическая группа стран	Страна	Годы			
		1995	1998	2000	2002
Технологически развитые страны	США	57,3	60,1	62,2	69,6
	Япония	110,3	116,8	122,6	132,9
	Германия	67,6	73,5	99,3	101,9
	Великобритания	71,6	91,2	109,3	113,5
Новые индустриальные страны	Китай	103,8	133,6	152,2	182,4
	Сингапур	86,5	114,8	112,4	115,8
	Южная Корея	45,6	58,2	79,1	86,9
Новые члены ЕС	Чехия	78,7	66,0	72,9	75,5
	Словакия	62,0	60,4	66,2	65,3
	Венгрия	45,1	45,6	45,4	46,8
	Польша	33,9	39,9	41,3	42,7
Страны СНГ	Россия	15,4	17,2	15,8	19,7
	Беларуссия	14,8	13,7	7,3	7,6
	Казахстан	10,7	7,7	11,2	13,2
Страны «третьего мира»	Аргентина	20,2	28,7	31,8	27,8
	Нигерия	16,1	18,2	21,1	26,9
	Танзания	25,1	18,4	19,2	21,9

Примечание: Авторы могли использовать для расчета официальные статистические данные по России и Беларуссии, в том числе и за 2005 г., которые незначительно улучшают общую картину, однако, для корректности сравнения использованы сведения из одного вышеприведенного источника.

Следует особо отметить, что в условиях, когда коэффициент монетизации экономики переходной к рынку страны в несколько раз ниже критического значения (табл. 2), главный, по мнению реформаторов-монетаристов, «враг народа» — *инфляция имеет явно немонетарный характер и в значительной степени импортируется извне*. Так, по некоторым оценкам, Федеральная резервная система США ежедневно печатает более 1 млрд новеньких долларов, вследствие чего инфляция этой «твердой» валюты составляет от 4 до 8% в год. Ползучее повышение мировых цен на сырье и изготовленную из него продукцию также вполне может быть рассмотрено в качестве процесса тотального обесценения мировых символических денег. Следовательно, поставленное либерал-реформаторами во главу угла «правое дело» борьбы с инфляцией в переходных странах посредством сжатия денежной массы и других аналогичных, жестких, рестрикционных мер, по существу, сводится к банальному поддержанию курса быстро слабеющей американской валюты, т. е. к оказанию «братской помощи» национальной экономике США в виде передаваемого ей сеньоража. По словам чл.-корр. РАН С. Глазьева, мы вновь удивляем весь мир, поскольку «...основной источник роста в условиях рыночной экономики — монополия государства на

деньги и на эмиссию национальной валюты — превратился в свою противоположность — механизм торможения. Подобные примеры в мировой экономической истории просто не известны... Налицо экономика абсурда, сдерживающая свой экономический рост...» [1, 18—21]. Коэффициент монетизации экономики и ряд некоторых других весьма важных параметров и по сей день остаются в несколько раз хуже своих оптимальных значений, что оказывает угнетающее воздействие на научно-технологический и инновационно-промышленный секторы национальной экономики [2, 70—115].

Таблица 3

Сценарии развития инновационно-промышленной политики Белоруссии и России в среднесрочном периоде

Показатель	Инерционный сценарий	Инновационный сценарий
Базовая доктрина развития	Переход к конкурентно-рыночной экономике, связанный с децентрализацией управления и дезинтеграцией национальной экономики через разгосударствление и приватизацию, ведущий к потере интеграционного (системного, синергетического) эффекта	Переход к инновационной экономике, связанный с реализацией интеграционного (системного, синергетического) эффекта путем углубления централизации управления и планирования развития национальной экономики на всех ее уровнях
Коэффициент монетизации национальной экономики, % к ВВП	10—15	более 40
Соотношение «Валютный курс по данным национального (центрального) банка» / «Валютный курс по ППС», разы	3—4	1—1,5
Пассивы банковской системы, % к ВВП	35—40	80—100
Доля долгосрочных кредитных вложений банковской системы, % от общей суммы кредитных вложений В том числе:		
в промышленность, % от общей суммы кредитных вложений	30—45	60—70
на технико-технологическую модернизацию производства, % от общей суммы кредитных вложений	12—20	30—50
	0,5—2	10—15
Наличие ограничений по внутренней конвертируемости национальной валюты	Слабые	Жесткие

Продолжение таблицы 3

Соотношение средних зарботных плат работников сферы материального производства в постиндустриальной и догоняющей экономике	15—20	2—5
Доля расходов на исследования и разработки в ВВП, %	0,5—1,5	2—3
Доля расходов на науку в ВВП, %	менее 1	2—4
Сумма налоговых льгот участникам инновационного процесса (с учетом ускоренной амортизации), % к ВВП	менее 0,5	1—1,5
Доля инновационно- активных предприятий в промышленности, % к их общему числу	10—12	25—50
Коэффициент обновления основных производственных фондов, %	2—5	не менее 8
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции, %	8—10	15—20
Доля передовых производственных технологий, использовавшихся менее трех лет, % в общем, их числе	20—30	45—50
Удельный вес затрат на инновации в общем объеме промышленной продукции, %	менее 1	1,5—2

Примечание: развернутое обоснование представленных сценариев см. в монографиях: [2, 268; 3, 180].

Очевидно, что без решения комплекса обозначенных проблем функционирования монетарной и денежной сферы переход к инновационной экономике наших стран останется всего лишь красивой, неплохо «обнаученной» риторикой. Разумеется, определяющее влияние монетарной сферы на все без исключения прочие стороны экономической жизни общества, а также глубокая взаимосвязанность денежных систем стран Союзного государства делают указанные проблемы очень сложными и многогранными. Их решение требует соответствующих масштабных и комплексных, в том числе межгосударственных исследований. Поэтому, на наш взгляд, уже сегодня необходимо инициировать научные исследования по данному направлению с целью глубокого, всестороннего изучения возможностей и поиска путей для устранения указанных отклонений, в функционировании монетарных и денежных систем Белоруссии, России, Украины и ряда других постсоветских государств.

С учетом изложенного нами разработаны инерционный и инновационный сценарии формирования инновационной экономики в постсоветских странах, включая Белоруссии, Россию, Украину и др., на среднесрочную (до 2015 г.) перспективу (табл. 3) [2, 263—268]. При этом инновационный сценарий развития вполне может быть рассмотрен в качестве программы мер по преодолению указанных проблем и противоречий в странах Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ.

Литература

1. Россия — великая держава. М., 2006.
2. Ленчук Е.Б., Байнев В.Ф., Власкин Г.А., Богдан Н.И., Волошин П.С. Россия — Беларусь: инновационная политика и интеграционное взаимодействие. М., 2006.
3. Байнев В.Ф. Саевич В.В. Переход к инновационной экономике в условиях межгосударственной интеграции: тенденции, проблемы, белорусский опыт / Под ред. В.Ф. Байнева. Минск, 2007.

П.Н. КЛЮКИН

О потенциале воспроизводственного подхода к анализу процессов в экономике современной России*

Пожалуй, самой главной проблемой в современной экономической теории применительно к российским реалиям, которая затрагивает глубинные основания нашего отношения к происходящим в России событиям, является *неполнота* или, точнее, *односторонность* ее аксиоматики. В двух свидетельствах в XX в. она была удачно выражена в терминах отношения «теория—практика». В конце 1920-х гг. Сталин выдвинул тезис об *отставании теории от практики*; в 1970 г. В. Леонтьевым был выявлен симптом *фундаментальной несбалансированности* между теоретизированием и практической деятельностью экономистов.

В обоих случаях речь шла о том, что практика обгоняет теорию; но если в первом случае отставание теории было связано с ускоренным движением самой практики (баланс народного хозяйства как «игра в цифири» был довольно точным диагнозом слабости теории на тот момент), то во втором — более близком к нам во времени — практика осуществляла обгон теории уже внутри самой теории. Причем эта практика построения априорных конструкций или, на языке неоклассики, моделей экономической реальности не только обгоняла течение самой реальности, но и в принципе не желала как-то изменять ее: ведь статический объект изучать легче. В результате, умножение идеальных конструкций шло порой независимо от познания самой реальности, а с некоторых пор, и вообще перестало отдавать себе отчет в существовании подобной связи, так как теория, обладая мощным аналитическим инструментарием, научилась сама создавать себе реальность и в ней существовать.

Сегодня мы, похоже, имеем перед собой результат данного процесса; можно назвать его новым вариантом несоответствия теории и практики,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 06-02-00165а).